Шагал М.
(100 лет со дня рожде.)

6/VI 82

К 100-летию со дня рождения

— Шагал всю свою жизнь увлекался стихами. Любил Пушкина, Блока, Маяковского, Есенина... Он любил все русское: язык (а дома мы говорили только по-русски), литературу, музыку и, конечно, природу — русские березы и полевые цветы.

Мы беседуем с женой художника Валентиной Григорьевной Шагал на вилле «Коллин» в небольшом средиземноморском городке Сен-Поль-де-Ванс, километрах в двадцати от Ниццы. Большие шагаловские полотна висят в просторной зале, в окна которой видна стена, украшенная мозаикой, выполненной по рисунку художника. На этой вилле, расположенной в глубине парка, Марк Шагал прожил последние двадцать лет жизни.

— Когда мы ехали в 1973 году в Советский Союз, — продолжает Валентина Григорьевна, — Марк Захарович, конечно, очень волновался. Ведь он не был на родине более полувека. Беспокоился, как пройдет выставка, встречи с людьми. Нас везде замечательно принимали. Мы смотрели Кремль, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Эрмитаж, Русский музей.

Марк Шагал родился в Витебске, учился у местного художника И. М. Пэна, а затем поехал в Петербург, где занимался в классе известного графика и театрального декоратора Леона Бакста. В 1910 году Шагал отправился во Францию, где прожил четыре года. Вначале он поселился в крошечной квартирке на авеню Мэн, чувствовала себя одиноко, и, по его словам, лишь расстояние, отделявшее французскую столицу от Витебска, остановило его от немедленного возвращения домой. Потом он переехал в расположенное на улице Данциг, неподалеку от бульвара Монпарнас, общежитие художников «Ля Рюш» («Улей») — круглое кирпичное здание, увенчанное легким шпилем, в котором и поныне живут живописцы. В те годы там обитали художники и скульпторы из России: Архипенко, Кикоин, Сутин, Штеренберг, Цадкин, а также Модильяни, Леже.

Посетивший в 1912 году «Ля Рюш» А. В. Луначарский назвал его «Вавилоном номер 2», «курьезным художественным лабиринтом», который «сооружен из рухляди и остатков разрушенных зданий, приспособлен к потребностям бедного художника и дает приют доброй сотне молодых людей, ведущих отчаянную идейную и материальную борьбу с жизнью».

Побывав Луначарский и в мастерской у Шагала, который показал ему множество своих полотен и рисунков. В статье «Молодая Россия в Париже» он назвал его «маленьким Гофманом окововитебских трущоб», поэтом, стремящимся «выразить свою незаурядную душу графически красочно».

В Париже Шагал продолжал упорно писать Россию, создал ряд ставших впоследствии знаменитыми полотен. Герои его полотен этого периода — кучер, скрипач, шарманщик, почтальон на фоне русского деревенского пейзажа.

«Париж, ты мой второй Витебск!» — повторял в ту пору художник. Очень бедствовал и, поскольку денег на холсты не было, писал на скатерти, простынях и даже на своей ночной рубашке. Лучшее всего он чувствовал себя в Лувре, среди его «давно исчезнувших друзей». Он часами рассматривал полотна Тициана, Рембрандта, Шардена, Жерико.

Когда началась первая мировая война, Шагал вернулся в Россию. Он по-прежнему много работал, в салонах выставлял по 40—50 холстов. Вскоре после Октябрьской революции его назначили комиссаром искусства в Витебске, ему были даны полномочия организовать художественное училище, музеи, выставки.

Переехав из Витебска в Москву, Шагал писал декорации для гогаевских постановок: «Ревизор», «Женитьба», «Игроки» (позже, в 1923 году, иллюстрировал «Мертвые души»).

В течение года художник преподавал рисование в детских колониях «Малаховка» и «III Интернационал».

Почему на полотнах Шагала влюбленные летят над городом? Почему он изображает человека, ходящим по потолку, а корову — на крыше? Эти вопросы часто задают люди, которые не сразу постигают его особое видение. Понять Шагала можно путем «вчувствования», а не «уразумения». «Небо, полет — главное содержание кисти Шагала», — отмечал Андрей Вознесенский.

— Марк Захарович никогда не объяснял своих картин, — говорит Валентина Григорьевна, — каждый волен истолковывать на свой лад. К славе был равнодушен, но хотел, чтобы его искусство знали и ценили на родине. Его сестры всегда присылали ему из Ленинграда все, что о нем писали в советских газетах, журналах, книгах.

— Где, на ваш взгляд, сохранились лучшие работы Шагала? — Конечно, их много во Франции, но немало и в других странах Европы, и в США, — говорит Валентина Григорьевна. — Прекрасной коллекцией располагает Третьяковская галерея. Художнику хотелось, чтобы его картины были не в частных руках, а в музеях, открытых для всеобщего пользования. Когда он работал над витражами для ООН, которые назвал «Мир», Шагал повторял, что делает это для всех, для всего человечества во имя мира.

В 1963 году когда Шагалу предложили расписать потолок Парижской оперы, ему было 76 лет, и я уговаривала его отказаться, — говорит Валентина Григорьевна. — Куда там! Над росписью он с увлечением трудился более года. Последняя прижизненная выставка Шагала состоялась в 1984 году в Национальном центре культуры и искусства имени Жоржа Помпиду. Она была посвящена его рисункам, в том числе иллюстрациям к произведениям Гоголя. До самой смерти художник каждое утро работал в мастерской. В последние годы он уже не писал картины, полностью посвятив себя литографиям.

У Шагала в помощниках было два Шарля Литограф Шарль Сорлие и художник по стеклу Шарль Марк.

— С Марком Шагалом нас связывала 35-летняя дружба. Не проходило недели, чтобы мы не встречались, — рассказывает известный парижский литограф Шарль Сорлие. — Я познакомился с Шагалом в ателье Морло, вскоре после его возвращения из США. В этом ателье я работал с Матиссом, Леже, Дюфи, Пикассо и многими другими известными художниками и стал учить Шагала технике литографии. Вы даже представить себе не можете, что значило иметь такого блестящего ученика. Великолепный художник, он вместе с тем имел хватку ремесленника и очень увлекся литографией. Он хотел, чтобы его искусство было доступно многим и поэтому занялся гравюрой. За свою жизнь Шагал сделал около тысячи литографий и все их недавно выпустил, объединив в шеститомном издании.

Когда он вернулся из поездки в Советский Союз, он написал большую картину «Возвращение блудного сына». На фоне Витебска он изобразил старика, перед которым стоит на коленях его сын. Картина очень трогательной, и написал он ее не случайно.

Обычно я его называл патронном и иногда в шутку метром, но он, шутя, поправлял меня: «Нет, Шарль, не метр, а сантиметр». Шагал вышел из народа и никогда не терял с ним связи, —

говорит Ш. Сорлие. — Любил людей, часто беседовал с ними. Мы порой обедали в дешевом ресторане напротив парижской биржи, куда приходили рабочие, каменщики, ремесленники. Он с огромным интересом наблюдал за окружающими и время от времени мне: «Смотрите, Шарль, ведь они похожи на персонажей Гоголя».

Шагал был первым моим гостем в парижской квартире, которую я купил с его помощью. Он принес с собой большую акварель, на которой были изображены цветы и, подарив ее моей жене, сказал: «Извините, мадам, цветочные магазины уже закрыты, и я принес вам это. Они не так красивы, как настоящие, но более долговечные». В этом весь Шагал.

Рассказывает Шарль Марк: в 1956 году, когда Шагалу было уже почти 70 лет, он продолжал писать картины, стал осваивать новые для себя виды искусства — витражи, мозаику.

Марк ШАГАЛ:

«МОИ ПОЛОТНА — ЭТО СТИХИ»

настенные росписи, гобелены и скульптуру. Художник чрезвычайно увлекся витражами. Пропускающая через себя свет, она рождаются утром, меняются в течение дня в зависимости от освещения и умирают с наступлением сумерек. Вместе с Шагалом мы сделали около 1.200 квадратных метров витражей для соборов Реймса, Меца, Цюриха, небольшой деревушки Кент около Лондона. И наконец — на тему «Мир» для ООН.

— Вся его жизнь была работа, — вспоминает Шарль Марк. — В Реймсе он трудился над эскизами для витражей по 10—12 часов в день. За обедом он часто рассказывал мне о своей жизни, о музыке и о поэзии: «Не говорите мне, что вы любите Пушкина, вы не можете его понять, потому что он не переводим!». Когда Шагал завершал тот или иной эскиз, он предлагал: «Ну что же, пойдемте отпразднуем». И чаще всего мы «праздновали», выпив кофе в ближайшем кафе. В 90 лет он протаскивал с кистью у мольберта дольше, чем иные художники. Шагал всегда стремился к совершенству. «Шарль, — говорил он мне, — давайте сделаем шедевр».

...Живописец, поэт, астроном, автор более ста книг о художниках, участник Сопровитвления, узник Освенцима и Бухенвальда, Андре Верде около сорока лет дружил с Марком Шагалом, посвятив ему две монографии и поэму.

— Марк Шагал, — рассказывает мне Андре Верде, — жил во имя живописи. Как и многие большие художники, он целиком отдавал себя работе. Он не любил салоны и даже свои собственные выставки, где по необходимости проводил несколько часов, а потом удалялся. Где бы он ни был, ему всегда недоставало его мастерской.

В его картинах, — продолжал А. Верде, — почти всегда присутствует Витебск... У него было ощущение, что он никогда не покидал Россию.

«Мои полотна — это стихи», — сказал мне однажды художник.

Я часто приносил ему полевые цветы, — продолжает А. Верде, — он обычно ставил их у себя в мастерской. Он любил именно эти простые цветы, а не садовые, ухоженные. Он рисовал цветы, и они выражали многие чувства, не только радость и надежду, но и горе, отчаяние, трагедию...

Марк Шагал умер вечером 28 марта 1985 года. Его хоронили первого апреля на обретенном к морю кладбище города Сен-Поль-де-Ванс. Небо в этот день было голубое, как и на его картинах.

Ю. КОВАЛЕНКО, соб. корр. «Известий» СЕН-ПОЛЬ-ДЕ-ВАНС — ПАРИЖ.

359